Вывернутые перчатки

Андрей Гаврилов в Филармонии *рекомендует* Дмитрий Ренанский

КИРИЛЛ ТУЛИН/КОММЕРСАНТЪ

ГРИГОРИЙ ТАМБУЛОВ/КОММЕРСАНТЪ

> Благость и покой «ночных пьес» улетучились, остались боль и призраки затуманенного сознания

КРУПНОМУ МУЗЫКАНТУ свойственно переживать крутые репертуарные виражи — бывает, заносит в материал, не принадлежавший к его прежним магистральным интересам, однако выявляющий индивидуальность особенно мощно. Так было, когда Гульд сыграл Брамса, а Арнонкур — Бартока. Похоже, так и с Андреем Гавриловым, взявшимся за шопеновские ноктюрны. Такого поворота ничто не предвещало: чтобы реализоваться, яркому экстраверту Гаврилову нужна была как минимум гамлетовская «схватка с целым морем бед», а встреча с романтической пьесой могла вызвать, казалось, разве бурю в стакане воды. Впрочем, к началу 2000-х, когда Гаврилов начал играть Шопена, он выглядел как визионер и мистик, которым движет крайний волюнтаризм. То есть ровно так, как и нужно для Шопена, ведь романтическая музыка вроде бы располагает к свободе исполнения. Но именно вроде бы. На самом деле в XX веке шаг в сторону от канонического Шопена, унаследованного от великих виртуозов XIX-го, вызывал весьма нервную реакцию музобщественности; ее не избежал даже такой колосс, как Святослав Рихтер.

Его наследник Гаврилов фактически продолжил рихтеровские шаги в сторону. Революционер по натуре, он понимал, что здесь нужен экстремизм, и буквально изнасиловал привычного Шопена, вывернул ему руки, раздробил кости. В результате из-под чопорной маски проглянул человек: пассионарий, любовник, неврастеник, страдалец, харкающий чахоточной кровью на рукописи. Друзья Шопена вспоминали, что у того словно не было кожи, сразу начинались оголенные нервы, — Гаврилов дает почувствовать и это. Благость и покой «ночных пьес» улетучились, остались боль и призраки затуманенного сознания.

Ноктюрны стали не только личным достижением Гаврилова. К концу прошлого века шопеновская традиция занемогла — перестал плодоносить даже монографический конкурс в Варшаве, всегдашний смотр достижений шопенистов. Гаврилов уловил дух времени, вписавшись в ревизионистский тренд нового века: его ноктюрны (2005) встряли между диском с двумя фортепианными концертами Кристиана Цимермана (1999) и двумя дисками с участием Оркестра XVIII века Франса Брюггена (2006), где солировали Данг Тхай Шон и Нельсон Гернер. После этой триады Шопена уже нельзя воспринимать по-старому.

Гаврилов впервые сыграл ноктюрны в 2005 году в Москве на вечере в честь двадцатилетия перестройки, и выход на сцену Михаила Горбачева смотрелся вполне естественно. Похоже, это был концерт из разряда исторических, километровые дискуссии на интернет-форумах развернулись на несколько месяцев — громче и дольше спорили, кажется, только о спектаклях Дмитрия Чернякова. Четыре года спустя Гаврилов привозит в Петербург меньшую половину цикла, прозвучат десять ноктюрнов из двадцати одного. В последние годы пианист пребывает не в лучшей технической форме, но это лишь подчеркивает пафос его интерпретации. Смешно требовать от панка чистого звука.

Большой зал Филармонии, 15 октября, 19.00

РЕКЛАМА